

Сюй Сицзин, сидя в ванной, немного пришёл в себя. Услышав, как Цинь Цзэюань отдаёт распоряжения слугам и входит, он поднял голову. Он сильно похудел и выглядел теперь совсем жалким. Прикусив губу, он сказал:

— Господин, я хочу... вернуться на работу.

Цинь Цзэюань внимательно посмотрел на него. Сюй Сицзин сидел в воде совсем голый, и ему казалось, что Цинь Цзэюань видит все его мысли насквозь. Он опустил голову и начал водить пальцем по воде, рисуя круги.

— Если господин не согласен, то не надо.

— Нет, я не против. Хочешь вернуться — возвращайся, — сказал Цинь Цзэюань.

Он снял халат и тоже вошёл в ванну, притянув Сюй Сицзина к себе.

— Не думай об этом сейчас. Поешь немного позже.

Сюй Сицзин взглянул на него с надеждой.

— Тогда... я смогу выходить из дома?

Цинь Цзэюань не ответил прямо. Его рука снова опустилась вниз. Сюй Сицзин испугался, что он снова начнёт, и напряжённо замер. Но Цинь Цзэюань лишь усмехнулся:

— Не дёргайся. Всё ещё внутри, вытащу.

Поза была неудобной, и Цинь Цзэюань велел Сюй Сицзину сесть на него лицом к лицу. Он медленно помогал вытечь, затем взял его за запястье и спросил:

— Больно?

Сюй Сицзин не посмел сказать, что больно, и быстро покачал головой. Потом, словно для большей убедительности, добавил:

— Совсем не больно.

Цинь Цзэюань крепче сжал его запястье.

— Ну что ж, значит, в следующий раз можно будет сильнее?

Сюй Сицзин побледнел от страха. Цинь Цзэюань, довольный, шлёпнул его по ягодицам.

— Ладно, вставай, одевайся и иди поешь.

Услышав, что сможет вернуться на работу, Сюй Сицзин ел торопливо и, едва проглотив пару кусочков, осторожно спросил:

— Господин, а мой телефон?

Цинь Цзэюань, сидевший во главе стола, бросил на него взгляд.

— Сначала доешь. Потом вернёшься в свою комнату.

Это значило, что его действительно освободили. Сюй Сицзин наконец успокоился и принялся

за еду. С тех пор как он уехал за границу в шестнадцать, а в восемнадцать дебютировал и съехал из старой усадьбы, он почти не бывал в своей прежней комнате. Всё оставалось так, как было: его телефон лежал на тумбочке, словно он просто уехал на время, и все эти годы ничего не происходило.

Но на самом деле всё изменилось. Даже последние полмесяца перевернули его жизнь с ног на голову. Усилия Сюй Сицзина за несколько лет пошли прахом. В бессонные ночи он наконец понял: единственный шанс обрести свободу — покориться Цинь Цзюаню. Впереди ещё долгий путь, нельзя опускать руки. Никто не поможет. Если он не спасёт себя сам, так и останется запертым в этой комнате.

Склонить голову — не так уж сложно. Ему больше нечего было терять.

Телефон долго не включался, но уведомлений было немного. Папарацци, конечно, докучали Лао Суну, а в кругу Сюй Сицзина не было близких друзей. Пролистав список вызовов, он нашёл лишь звонки от Ли Ситун и нескольких участников группы. Подумав, он решил перезвонить Ли Ситун.

Тогда он из-за одного слова Цинь Цзюаня перестал появляться на съёмочной площадке, и вся группа оказалась в хаосе. Он не знал, как отнестись к этому режиссёр, и решил сначала позвонить Ли Ситун, чтобы прощупать почву.

Ли Ситун быстро ответила, её голос звучал радостно и удивлённо:

— Сяо Цзин?! Ты наконец включил телефон! Где ты был всё это время?

Сюй Сицзин не мог объяснить всё подробно, поэтому ответил уклончиво:

— Внезапно заболел, не успел предупредить группу, дома были очень обеспокоены... Не до того было.

Ли Ситун, не подавая вида, сомневается ли она в его словах, с искренней заботой спросила:

— А сейчас? Тебе лучше?

— Уже намного лучше. Думаю, завтра смогу вернуться на работу.

Сюй Сицзин сделал паузу и осторожно спросил:

— А как наш фильм... Чем всё закончилось?

Голос Ли Ситун сразу понизился.

— Эх, тогда новости появились внезапно, и группа узнала о них только из прессы. Твои сцены снимали каскадёры. Режиссёр потом говорил, что переписал сценарий, но всё равно снял два финала. Сяо Цзин, если сможешь, постарайся исправить ситуацию. Ведь это касается не только тебя, но и всей группы, и нашего фильма!

Сюй Сицзин помолчал.

— А режиссёр? Как он отреагировал?

Ли Ситун заговорила ещё тише.

— Режиссёр, конечно, был в ярости. Он выгнал журналистов со съёмочной площадки, а потом... потом при всех долго тебя отчитывал...

Сюй Сицзин не выдержал.

— Что он говорил?

Ли Ситун немного помедлила, но всё же ответила:

— Сказал, что ты сбился с пути, не ценишь свой талант, не понимаешь, как редки такие возможности, и сам во всём виноват. И ещё сказал... что когда встретит тебя, то строго спросит с тебя.

Сюй Сицзин успокоился. Такие слова означали, что режиссёр ещё не потерял надежду. Он поговорил с Ли Ситун ещё немного, затем повесил трубку и набрал номер режиссёра.

Прозвонило несколько раз — и вызов отклонили. Сюй Сицзин хотел перезвонить, но струсил и отправил сообщение: «Режиссёр, я столкнулся с некоторыми трудностями, всё произошло внезапно, и я не мог этого предвидеть. Могу ли я теперь объясниться?»

Сообщение ушло в пустоту. Сюй Сицзин, прижав телефон к груди, прождал несколько часов, но ответа так и не получил. Его недавнее спокойствие сменилось тревогой. Что, если режиссёр, не дождавшись его ответа за эти полмесяца, разочаровался в нём? Что, если его слова означали не то, что он не сдался, а как раз наоборот — что он больше не верит в него?

Сюй Сицзин сидел в комнате, не находя себе места, полный тягостных предчувствий.

И в этот момент в дверь постучали. Вошёл Цинь Цзэюань. Он нахмурился, окинув взглядом Сюй Сицзина, который лежал на кровати в растрёпанном виде.

— Соберись. Посмотри, на кого ты похож. Ваш режиссёр приехал.

Сюй Сицзин мгновенно вскочил с кровати.

Спускаясь, он увидел, что режиссёр сидит в гостиной и беседует с Цинь Цзэюанем. Режиссёр сидел спиной к лестнице, и Сюй Сицзин не видел его лица, отчего беспокойство лишь нарастало. Он застыл на ступенях, не решаясь сойти.

Цинь Цзэюань, заметив его краем глаза, строго сказал:

— Я велел тебе спуститься и встретиться с режиссёром. Что ты там застыл? Иди сюда!

Сюй Сицзин подошёл и поклонился.

— Режиссёр.

Режиссёр кивнул и с горькой усмешкой произнёс:

— Сяо Цзин, я всегда считал тебя талантливым, думал, что ты редкая находка. А теперь вижу, что ты умеешь преподносить сюрпризы!

Сюй Сицзин не посмел сесть. Он стоял перед режиссёром, украдкой взглянув на Цинь Цзэюаня.

— Всё произошло внезапно, я...

Но режиссёр перебил его:

— Хватит. Оставь это для журналистов. Сегодня я вообще не собирался приходить. Но ваш господин Цинь позвонил мне, стал уговаривать, а потом машина уже стояла у моего дома — он и уговаривал, и нажимал, чтобы я приехал. Поэтому скажу тебе ещё раз.

Цинь Цзэюань выглядел слегка смущённым. Режиссёр был слишком прямолинеен. Он поспешил вмешаться, чтобы сгладить неловкость:

— Сяо Цзин избалован мной, и мои методы воспитания действительно слишком суровы. Я попросил режиссёра приехать, чтобы он дал тебе наставления.

Режиссёр бросил на него косой взгляд.

— Да? Я не заметил, что Сяо Цзин избалован. А вот ваши методы, господин Цинь, и вправду слишком суровы.

Сюй Сицзин никогда не видел, чтобы кто-то так открыто не поддакивал Цинь Цзэюаню. Ему захотелось усмехнуться, но он с трудом сдержался.

Режиссёр снова обратился к нему:

— Фильм уже снят, но ты свою работу не закончил. У тебя, знаю, дел много. Я не хочу снова тащить тебя в степь, на ветер. Но мне всё равно, придёшь ли ты после других мероприятий или возьмёшь отгул. У тебя ещё больше семидесяти сцен, и ты должен их снять.

Сюй Сицзин загорелся.

— Правда? Я смогу снимать оставшиеся сцены?

— Не радуйся раньше времени. Сунь Вэй уже отснял их за тебя. Но крупные планы и ключевые сцены ты должен сделать сам. Так что не так уж много и осталось.

<http://bllate.org/book/16267/1463770>